

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ГАРАНТИЙ БЕЗОПАСНОСТИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

*В.В. ПЕЧЕРСКИЙ, кандидат юридических наук, доцент кафедры
трудового и уголовного права Минского института управления*

В статье рассматриваются проблемные аспекты деятельности адвоката при оказании юридической помощи по уголовным делам. В процессе осуществления профессиональной деятельности адвокат подвергается психическому и иным видам воздействия со стороны различных участников уголовного процесса. При этом совокупность существующих гарантий не позволяет в достаточной мере обеспечить необходимую безопасность его профессиональной деятельности. В действующее законодательство предлагается внести изменения, содержащие новые гарантии, которые прошли апробацию в уголовно-процессуальном законодательстве и законодательстве об адвокатуре и адвокатской деятельности Российской Федерации. К таким гарантиям следует отнести введение мер безопасности к адвокату и членам его семьи в специально оговоренных случаях психологического и физического воздействия, а также включить адвокатов в категорию лиц, в отношении которых существует особый порядок производства по уголовному делу.

Адвокат в силу своих полномочий, определенных законодательством и правилами профессиональной деятельности, не обладает властными полномочиями. Он не может отдать распоряжение, обязательное хотя бы для одного из участников уголовного процесса, в том числе и своего доверителя. В этом состоит качественная особенность адвокатской деятельности как разновидности правозащитной деятельности, признаваемой государством. Властвовать и воздействовать посредством слова и составленных юридических документов, в основе которых лежит требование соблюдения закона всеми участниками юридического спора без исключения – вот возможности адвоката. В этом проявляются основные функции адвокатуры – контроль за оказанием юридической помощи и общественный контроль и надзор над деятельностью государственных и общественных органов, предприятий и организаций различных форм собственности, их представителей (должностных и иных лиц) [1, с.71–72]. «В адвокатуре, при более правильном на нее взгляде, государство должно видеть вечный контроль над всеми сторонами правовой жизни, контроль никаких затрат не вызывающий, контроль действенный, тысячеглазый» [2, с.48].

Условия в деятельности адвоката, оказывающего юридическую помощь, представляют собой конкретные обстоятельства, связанные с взаимодействием

адвоката с его доверителем, с различными участниками уголовного процесса, защищающими свои или представляемые интересы, а также государственными органами, должностные лица которых осуществляют уголовное преследование и правосудие. Вместе с тем, достаточно часто взаимодействие утрачивает обоюдный характер, превращаясь в свою противоположность. Речь идет о ситуациях, в которых на самого адвоката оказывается психологическое, а иногда и физическое воздействие, самым непосредственным образом влияющее на содержание его деятельности. По своему происхождению оно может исходить практически от любого участника уголовного процесса. Прежде всего от доверителя, который стремится навязать адвокату свою волю, заставить лицо, оказывающее юридическую помощь, быть проводником практически всех своих интересов (которые, как рассматривалось ранее, могут иметь как законный, так и незаконный характер), используя свои процессуальные полномочия, а также иные субъективные возможности (в т.ч. и знакомства с определенным кругом лиц, способных оказать влияние на процесс и результаты предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу).

Порой у адвоката, попавшего под психологическую зависимость от доверителя, возникает

* Статья поступила в редакцию 4 сентября 2008 года.

аналог «стокгольмского синдрома»^{*}. Его опасность заключается в том, что люди, находящиеся во власти лица, совершающего преступление, могут начать действовать против собственных интересов. Преступник вовсе не отвечает взаимностью на чувства заложников. Они являются для него не живыми людьми, а средством достижения своей цели. Адвокат, при долгом взаимодействии с подзащитным зачастую начинает отождествлять себя со всеми его интересами (которые имеют различную совокупность и характеризуются различными количественными и качественными параметрами, даже бывают противоположными по направленности и т.д.). В подобной ситуации он для реализации подобных интересов готов на совершение самых различных поступков и применение самых различных средств, и методов (в том числе носящих явно противоправный характер) в рамках этих средств. При этом понимание (осознание) своего профессионального достоинства, профессиональной чести, своего публичного предназначения и необходимости безусловного соблюдения в любом случае правил профессиональной деятельности как бы отступает на второй план. Понимание того, что его могут лишить статуса адвоката (адвокатской лицензии), что он потеряет не только работу, профессиональные и личностные качества затухают на наступившей экономической и психологической зависимости. Такое состояние вытесняет подобного юриста за границы адвокатуры, он перестает быть адвокатом не только юридически, но и духовно, превращаясь в дельца от адвокатуры. Необходимо уметь противостоять такому воздействию, памятуя, что в этих случаях адвокат рассматривается доверителем уже не как помощник, а как средство в достижении своих интересов и целей, как орудие продолжающейся неправовой деятельности.

Психологическое воздействие на адвоката оказывается и представителями стороны обвинения, среди которых особое место занимает потерпевший. Зачастую данный участник процесса, встречаясь не только с отдельными нарушениями, допускаемыми адвокатом, но даже с полностью правомерной деятельностью адвоката, рефлексирует ее как субъективно ему противоправную, а значит, причиняющую ему вред. В частности это происходит на предварительном следствии в ходе совместно проводимых следственных

действий (например, очная ставка, следственный эксперимент).

В ходе судебного разбирательства активность адвоката в ходе допросов как самого потерпевшего, так и других участников уголовного процесса, также воспринимается потерпевшим как имеющего или преследующего желание продолжить начатую обвиняемым лицом деятельность, но уже прикрываясь рамками полномочий, предоставленных законом. Ему кажется, что обычная дотошность, стремление выяснить все детали и частности, обозначить имеющиеся противоречия, и объяснить их в пользу обвиняемого и создать как можно больше сомнительных моментов, является препятствующим элементом «во всех отношениях законным требованиям» потерпевшего. В подобных ситуациях адвокат с позиции потерпевшего отождествляется с подозреваемым, обвиняемым лицом, преследующим всеми доступными и недоступными средствами и способами незаконное (с точки зрения потерпевшего) желание уйти от уголовной ответственности, но главное – уменьшить или лишить потерпевшего возможности возместить причиненный ущерб. Ранее, останавливаясь на содержании интересов потерпевшего, нами обозначался, в том числе, и не всегда законный характер, особенно в отношении количественного (экономического) размера материального и морального ущерба [1, с.24]. Именно поэтому адвокату изначально необходимо адекватно проанализировать факт реальности причиненного ущерба (во всех его проявлениях – моральном, физическом, материальном) и предпринять все возможные средства для убеждения доверителя на возмещение в возможно максимальном, но реальном размере. В связи с такой рефлексией потерпевшим процесса и результата деятельности адвоката на предварительном следствии и в судебном разбирательстве его воздействие на последнего может проявляться в диапазоне от высказывания различных вербальных угроз, написания жалоб (в т.ч. в органы адвокатского самоуправления) до стремления физического воздействия.

Отдельные элементы подобного рефлексирования адвокатской деятельности свойственны гражданскому истцу (которому также как и потерпевшему ставится большое количество вопросов с «целью запутывания в собственных показаниях, для того чтобы создать недоверие и сомнения в

* Впервые он был обнаружен в столице Швеции. Ситуация сложилась следующим образом. Два рецидивиста в финансовом банке захватили четырех заложников – мужчину и трех женщин. В течение шести дней бандиты угрожали их жизни, но время от времени давали кое-какие побрякушки. В результате жертвы захвата стали оказывать сопротивление попыткам правительства освободить их и защищать своих захватчиков. Впоследствии во время суда над бандитами освобожденные заложники выступали в роли их защитников, а две женщины обручились с бывшими похитителями. Такая странная привязанность жертв к террористам возникает при условии, когда заложникам не причиняется физического вреда, но на них оказывается моральное давление. См.: Стокгольмский синдром. Эра терроризма. По материалам книги Л.Г. Почебут «Социальная психология толпы» (СПб., 2004) <http://www.psyfactor.org/lib/pochebut2.htm>.

их достоверности и обоснованности»), а также свидетелям, особенно со стороны обвинения, которые в ходе перекрестного допроса вынужденно отвечают на «неудобные», «лишние», «каверзные» вопросы.

Но если подобные психологические воздействия остаются, как правило, без реальных последствий (кроме высказывания угроз и оскорблений), хотя иногда и случаются отдельные эксцессы с применением физической силы, то куда большую опасность представляет воздействие профессиональных участников уголовного процесса, обладающих публичной властью. В качестве таких лиц нами рассматриваются две основные категории, действующие на обеих стадиях уголовного процесса, – на стадии досудебного производства и стадии судебного разбирательства.

На стадии предварительного расследования такими субъектами могут являться следователь (дознатель) и оперативный работник, осуществляющие уголовное преследование в отношении подзащитного. Адвокат, препятствующий проведению явно незаконных действий, или применению явно незаконных методов зачастую рассматривается как лицо, препятствующее достижению самых различных интересов, в том числе и противоправного характера. В отношении такого адвоката подобное должностное лицо, обладающее широким арсеналом властных процессуальных, тактических и технических средств, может совершать различные действия, связанные с оказанием психологического и даже физического воздействия. Например, осуществляя оперативно-розыскные мероприятия в ходе встреч адвоката и подзащитного в камерах для свиданий, представители правоохранительного органа получают самую разнообразную информацию, субъективная оценка и использование которой может привести к достаточно серьезным последствиям.

По меньшей мере, адвокат может быть приглашен в орган, осуществляющий предварительное расследование или оперативное сопровождение этой деятельности, для дачи объяснений по фактам, которые стали известны ему в ходе оказания юридической помощи его подзащитному. Адвокат, имеющий стаж работы, может быть подвержен компрометации по отдельным фактам оказания юридической помощи иным лицам, в частности тем, которые остались неудовлетворенными принятыми решениями по их уголовным или гражданским делам. Адвокат может быть скомпрометирован отдельными фактами из своей биографии, личной жизни, жизни его близких лиц и родственников и т.д. В отдельных случаях в соответствующую коллегия адвокатов могут быть направлены различные документы, содержащие субъективную оценку действий адвоката по пресечению незаконных мероприятий в

отношении его доверителя. Отстранение адвоката от участия в уголовном деле возможно и путем совершения иных действий, в том числе через опосредованное воздействие на доверителя.

Наиболее опасный способ воздействия на адвоката, принявшего на себя оказание юридической помощи одному из участников уголовного процесса – это угроза возбуждения в отношении адвоката уголовного дела. При этом уголовное дело в отношении адвоката может возбудить любой орган, осуществляющий уголовное преследование, на любом структурном уровне. Адвокат является практически единственным участником уголовного процесса, по отношению к которому отсутствуют процессуальные гарантии безопасности профессиональной деятельности. Все иные участники уголовного процесса находятся под защитой государства, имеют гарантии безопасности и социальные гарантии, предусмотренные Кодексом о судостроительстве и статусе судей, Законом о прокуратуре Республики Беларусь, Законом об органах внутренних дел Республики Беларусь и т.д.

Статья 16 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» устанавливает гарантии адвокатской деятельности, среди которых закреплена независимость адвоката, запрет на вмешательство в профессиональную деятельность, в том числе и через запрет разглашения сведений, входящих в предмет адвокатской тайны. В статье 17 Закона наряду с правами адвоката закреплена гарантия свободы для адвоката, осуществляющего свою профессиональную деятельность. При этом она имеет следующие ограничения: действует в пределах, определенных задачами адвокатуры и положениями данного закона. Высказывания адвоката, затрагивающие честь и достоинство стороны, ее представителя, обвинителя или защитника, свидетеля, потерпевшего, эксперта, переводчика, не нарушающие Правила профессиональной этики адвокатов, преследованию не подлежат.

В Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) от 30 декабря 2006 года введена глава 49, регулирующая производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Ее требования распространяются на следующие категории лиц: лиц, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь; депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; депутатов областного, Минского городского, районного, городского, поселкового, сельского Совета депутатов; судей; народных заседателей в период исполнения им своих обязанностей в суде; прокурорских работников.

Как видно, в их число не включены не только адвокаты, но и следователи всех других органов, не входящих в органы прокуратуры.

Обращаясь к опыту Российской Федерации как члену Союзного государства Беларуси и России, следует акцентировать на более тщательной и последовательной регламентации гарантий безопасности адвокатской деятельности. Статья 18 Закона от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» также устанавливает гарантии адвокатской деятельности, во многом повторяющие положения белорусского закона. Кроме того в ней закреплены следующие действительно важные гарантии: адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства; органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества; уголовное преследование адвоката осуществляется с соблюдением гарантий адвокату, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Часть 3 статьи 11 УПК Российской Федерации, развивая эту идею, устанавливает, что при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности.

Далее в УПК РФ предусмотрен отдельный раздел, регулирующий особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. В статье 447 перечисляются категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Среди них указаны члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта Российской

Федерации, судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мирового судьи и судьи конституционного (уставного) суда. В пункте 8 данной статьи вместе со следователем указан и адвокат. В соответствии с пунктом 10 статьи 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя, адвоката осуществляется прокурором на основании заключения судьи районного суда или гарнизонного военного суда по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Получается что адвокат рассматривается на уровне должностных лиц государства. Его значимость в процессе отправления правосудия, его предназначение как настоящего «государственника», способного влиять на правоохранное проявление воли отдельного представителя государства, требует особой защищенности. Российский законодатель, вводя данную процессуальную гарантию учел, что правонарушители, имеющие соответствующие властные рычаги, не только будут защищать сами себя, а поскольку лучший способ обороны – это нападение, будут стремиться устранить адвоката с его праведного пути.

На наш взгляд, белорусскому законодателю для установления реальных гарантий адвокатской деятельности следует воспринять имеющийся российский опыт, и дополнить уголовно-процессуальное законодательство и законодательство об адвокатуре положением о применении к адвокату и членам его семьи мер безопасности в случае наличия угрозы убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, а также внести адвоката в число лиц, обладающих процессуальными гарантиями при исполнении своей профессиональной деятельности, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Печерский, В.В. Теоретические основы организации и деятельности адвокатуры / В.В. Печерский. – Минск : Тесей, 2007.
2. Владимиров, Л.Е. *Advocatus miles* (Адвокат-воин). Пособие для уголовной защиты / Л.Е. Владимиров. – СПб., 1911.